

Пролог

Ноги дрожали так, что я еле спустилась по железным ступенькам, опираясь на поручни. В лаборатории горели приглушенные лампы — им было плевать, что подопытный не спит из-за света... Столы идеально прибраны, запах антисептиков вьелся в кожу и будто заменил воздух.

Здесь, под землей, оскверненной дикими издевательствами над живым существом, сложно поверить, что всего в нескольких метрах над головой находится невероятной красоты ледяной мир. Мир, в котором это прекрасное создание было королем...

Я приблизилась к клетке, и белый медведь поднял морду. Пусть и измученный, он все равно оставался невероятно опасным. Оборотень, редчайший экземпляр... Последний.

— Привет, — я присела у клетки. — Принесла тебе еды. Поешь, а?

Я уговаривала его уже третий день, но он только смотрел на меня темным взглядом... и молчал.

АННА ВЛАДИМИРОВА

— Слушай, я в последний раз, наверное, прихожу, — несла я чушь. Голос охрип, зубы стучали от страха.

Но не этого зверя я боялась. Я была в ужасе от того дерьма, что пришлось лицезреть в последнюю неделю. Сказка, которую я предвкушала, обернулась кошмаром.

Я приехала на северную исследовательскую базу, которую основал отец, чтобы изучать ее жизнь... а попала на живодерню. Но самое жуткое то, что люди, которых я знала столько лет и считала обычными, оказались моральными уродами. В том числе и тот, за кого я собиралась замуж...

— Эй, — шмыгнула я носом, — ну возьми...

И я положила кусок ветчины на границу решетки. Мои душевные силы были на исходе. Я не могла жить с тем, в чем пришлось участвовать, и не могла понять, как живут другие. Как они вообще спят ночами, зная, чем занимаются тут же — несколькими этажами ниже?!

Медведь тихо, но величественно зарычал, выражая презрение ко мне и всем, кто его окружал. А я прикрыла глаза...

Когда впервые увидела его в клетке, то потеряла дар речи и проревела всю первую ночь, вспоминая взгляд оборотня — гордый и несломленный...

Он убил уже пятерых. Наверное, зазевались, прямо как я сейчас. Но на меня зверь не кидался. Он на меня смотрел. Ни на кого больше — его взгляд

всегда был поверх людей. А мне смотрел в глаза. И все это замечали. Поэтому я старалась лишний раз не появляться в лаборатории, однако ноги все равно при первой же возможности несли меня сюда.

— Как мне тебя вытащить? — всхлипнула я.

Я таскалась к нему каждую ночь в пересменку. Заметила, что охранники мешкали примерно час между уходом одного и выходом другого. И в этот час я прокрадывалась в лабораторию.

База была в стадии запуска, видеонаблюдение не работало — из-за аномальных температур не выдерживало жизнеобеспечение, и все силы бросали на проблемы поважнее, экономя ресурсы. Никто не думал, что на базе найдутся идиоты вроде меня, которые полезут к медведю в клетку.

Сегодня мы разругались с отцом вдрызг. Я сказала, что ноги моей здесь не будет и что не смогу считать отцом человека, в мире которого так просто льется кровь живых существ. Он орал, что я хреновый патриот и не умею расставлять приоритеты. Что северная зона — единственная, на которую не претендуют оборотни в нашем мире, а ископаемых тут гораздо больше, чем на территориях, на которых мы с ними конкурируем. Мол, нужно думать о будущем. Оборотни, которые тут изредка встречаются, — одиночки и удержать за собой этот край не могут. Но все секреты — в них: они знают здешний мир, знают, как в нем выжить...

...Однако никогда не скажут.

АННА ВЛАДИМИРОВА

— Эй, — прошептала я, глядя в черные глаза зверя, — как тебя зовут?

Его пытались заставить обернуться. И ничего не выходило. Зверь мучился, но не поддавался.

— Прости... — И я заплакала, зажмурившись.

Чувство собственной беспомощности и бессилия кислотой разъедало изнутри. Я не знала, как буду жить после этого дальше. Все, чему меня учили, имело совершенно не прикладной характер, потому что прикладывать его к кровавым отпечаткам на снегу я не буду.

Зверь вдруг судорожно вздохнул, я открыла глаза и наткнулась на его взгляд — завораживающий и темный. И даже не сразу поняла, что он меняется, — так это выглядело жутко. Хотелось бежать, однако ноги будто приросли к полу. Когда звякнули цепи и на моем горле сомкнулись стальные пальцы, я лишь дернулась. Все, что я могла, — вцепиться в прутья клетки, да только это мне едва ли поможет.

Передо мной сидел мужчина. На его лице читалось столько злости и ненависти, что не оставалось сомнений: он меня прикончит. Его взгляд будто выжигал воздух, и я открыла рот, стараясь не задохнуться.

— Открывай клетку, — прорычал он, едва складывая слова. При этом сжал пальцы немного сильнее, и я выпустила прутья и обхватила его запястье. — Клетку!

СОБСТВЕННОСТЬ ЗВЕРЯ

И он тряхнул меня так, что в глазах потемнело. Я вскинула руки к замку и нажала на нужные кнопки. То, что я подсмотрела однажды код, неожиданно отсрочило смерть... Замок щелкнул, но оборотень не отпустил — так и поднялся со мной. Только вдруг опустил взгляд, а я уставилась на него...

— Пожалуйста... Я не хотела, чтобы так...

Мысли путались, язык заплетался. А он продолжал смотреть на что-то под ногами, и только тут до меня дошло — кусок ветчины, что я ему принесла.

Когда он поднял на меня глаза, сердце пропустило удар. Оборотень медленно потянул меня к себе за шею... Я встала босыми ногами на носочки и снова схватилась за его запястье, не в силах даже моргнуть.

У него оказалась необычная внешность — никогда не видела таких людей. Черные брови, такие же волосы и очень светлая кожа. Но самое невероятное — глаза. Черные радужки сливались со зрачками, а форма глаз была непривычной — вытянутой к виску, как у забытого людского племени, жившего в этих краях в давние времена. Дьявольские инженеры прошлого соединили когда-то в этом существе два исчезнувших вида... А теперь и он остался последним.

Когда он протянул ко мне другую руку, я не выдержала и зажмурилась. Сердце заскакало в груди и загрохотало в висках так, что, казалось, разбудит всех на базе. Только по ушам вдруг мягко спружинило его тихим «ш-ш-ш». Я ошалело осознала, что

он ведет носом по моей шее, а кончики моих пальцев барабанят дрожью в его голую грудь. Когда кожу вдруг ошпарило укусом, я взвизгнула и забилась в его руках, распахнув глаза.

Его взгляд поменялся. Он смотрел на меня так странно, будто теперь я покрылась шерстью и отрастила зубы. Но долго рассматривать в его планы явно не входило, и он дернул молнию моего комбеза, оголяя грудь. Влажную кожу противно лизнуло холодом. Два шага — и я оказалась задницей на ближайшем металлическом столе. Крик застрял в горле, а зверь дернул комбез с плеч, оставляя меня наполовину голой, и прижал к себе, впиваясь пальцами в волосы и вынуждая подставить ему шею.

В мыслях мелькнуло — может, он кровь пьет? Потерял много сил от голода и издевательств и теперь... Солнечное сплетение лизнуло жаром, и я сжала ноги на его бедрах, едва осознавая... что он покрывает мою шею мелкими укусами... которые были больше похожи на поцелуи, чем на попытку порвать мне горло. По коже прошла волна мурашек, и я взмокла, будто меня лихорадило. Но с губ не срывалось ни звука протеста — что такое обменять жизнь на... что? Что он делал?..

А что делала я? Я просто замерла и зажмурилась, когда он приподнял меня, перехватив поперек ребер, содрал комбез и бросил его к ногам. Между нами не осталось никаких преград, кроме моих тру-

сов, да и те сдались от одного его рывка. Его кожа теперь казалась горячей, а меня уже не на шутку трясло, и я не находила в себе сил сопротивляться его рукам... Он казался единственным, кто может согреть этой бесконечной холодной ночью. В голове мешались недавние воспоминания: клетка, холодное железо, взгляд... Сознание пыталось взять верх, вернуть меня в реальность... Но тело плавилось в неожиданно чутких горячих руках, и я все больше погружалась в какое-то забытье.

Может, он убил меня, и это все — трюки мозга?

Однако тело утверждало обратное — все было слишком реально. Его ладонь на груди, мой стон на его болезненное сжатие и воспаленный жар на губах от его губ. Я лишь немного пришла в себя, когда его руки легли на мои бедра. Пальцы мужчины больно впились в кожу, и он рванул меня к краю стола, но эта боль была ничем по сравнению с тем, когда низ живота опалило будто ожогом, и по телу покатился едва переносимый болезненный спазм. Я задохнулась, раскрыв глаза, и сипло вскрикнула, однако зверь не дал передышки — прижал мои бедра к своим и ворвался в меня полностью...

Наши взгляды встретились, когда я вцепилась в его плечи, пытаясь спасти себя и оттолкнуть его, но на этом силы и кончились. Зверь болезненно хмурился, сцепив зубы, и мне подумалось, что, может, не он виноват... что все так... и кто-то должен был расплатиться...

Однако в следующий вдох он притянул мое лицо к своему и нежно коснулся губ своими... И в эту короткую передышку стихло все — боль, страх, отчаяние... Когда он снова качнул меня на себе, по телу пробежало тепло, а из глаз выступили слезы. Я сжала пальцы на его плечах и прикрыла глаза, погружаясь в это чувственное спасение. С губ сорвался первый робкий стон, между ног, казалось, все натянуто до предела, но больно больше не было. Стоило расслабленно упасть в его руки, он сильнее сжал пальцы на бедрах и задвигался быстрее, не щадя меня больше. Я выгибалась, сжималась внутри, и оборотень рычал все ярче... Мы будто боролись друг с другом и каждую секунду сдавались с моим стоном и его рычанием. Никогда еще меня так не разрывало от противоречий — страха и желания. Это место казалось мне самым жутким, в котором можно оказаться, и в то же время самым желанным. Нерациональное чувство защищенности наполнило меня до краев, и я сама сжала ноги на бедрах мужчины.

Но он вдруг толкнул меня на холодный стол спиной, выдирая из тепла, и с силой задвигался, причиняя боль снова. Я всхлипнула и выгнулась, дурея от холода железа и силы оборотня. Хотелось, чтобы все скорее кончилось... И он, кажется, разделял мое желание. От нового витка боли я дернулась, вскрикнув, однако он только сжал пальцы на бедрах, оставив на коже горящие следы и дрожь от

рычания, которая, казалось, сбивала все мои жизненные ритмы. Сердце дергалось в груди через раз, легкие как будто съежились, а низ живота горел от непонятного напряжения.

Когда где-то далеко что-то грохнуло, оборотень вскинулся... Выпустил меня и заревел так, что я думала, все стекло в лаборатории рассыплется. Когда я разлепила глаза, человека и след простыл — передо мной снова стоял медведь, загораживая собой проход. На мельтешение фонариков в коридоре он опять угрожающе зарычал и бросился на людей. А я сползла со стола и, кое-как нащупав трясущимися руками комбез, едва успела втиснуться в него, когда в лабораторию ворвался отец.

— Лали! — Его крик резанул по ушам, и только тут я услышала звон. Кровь возвращалась к голове словно нехотя, а желудок скручивало от дурноты. — Квинс, врача сюда!

— Не надо врача, — прохрипела я, натягивая ворот комбеза на шею. — Он ничего мне не сделал.

— Ты в своем уме?! — Отец попытался дотронуться до меня, но я отскочила от него как ошпаренная.

— Не трогай меня! — вскричала я.

— Лали!

— Хватит с меня! Я хочу вернуться домой!

— Что с тобой сделал медведь?

— Ничего он не сделал — я просто отлетела от него и ударилась боком, — я демонстративно зажала

рукой правое подреберье. — С ушибом я и сама справлюсь, а видеть все это не могу.

— У тебя, может, сотрясение, — упрямо произнес отец, не давая мне пройти.

— Нет у меня сотрясения. Я — врач. Пропусти!

— Сэр, оборотень сбежал, — вдруг раздалось в коридоре, и в лабораторию вбежал начальник службы безопасности. Я не знала их по имени, а тех, кого знала, старалась забыть. Этот, как и все остальные, принимал происходящее как должное. От новости у меня едва не подкосились ноги.

— Как?! — взревел отец.

— Он стал биться в люк, и если бы выбил — нам бы всем тут пришлось туго, — спокойно доложил мужчина. — Я принял решение открыть двери.

— Ты уволен! — рявкнул отец.

Я только презрительно усмехнулась. Внутри все скручивалось в комок, и он стремительно тяжелел, утягивая к земле. Я развернулась и направилась к себе в комнату под вой сирен и аварийное освещение. К счастью, никто больше не настаивал на моем осмотре. Я доползла до двери и, захлопнув ее за собой, провернула ключ. По ногам текла липкая струя, пачкая кожу и ткань, но исправлять последствия мне не хотелось. Я думала — разрыдаюсь, однако в душе все лишь покрывалось коркой льда.

Зверь не виноват. Что с ним сделали и чем кололи — хороший вопрос. Он был явно не в себе и избавлялся от боли как мог. Повезло, что не убил...

СОБСТВЕННОСТЬ ЗВЕРЯ

Повезло...

И вот тут по щекам все же покатались слезы. Нет, я не считала, что обязана расплачиваться за всех. Но мой мир все равно был разбит вдребезги. Я вспоминала гордость за отца, прорвавшегося на далекий Север и получившего финансирование на разработки. Мне так хотелось стоять рядом с ним на этом пути, а теперь — бежать без оглядки и никогда больше не видеть этот край, эту базу... и взгляд этого зверя.

Стоило прикрыть глаза под струями едва теплой воды, и я снова видела, как он смотрит на меня. Его взгляд продирает до внутренностей. Он будто остался внутри и продолжал там все выжигать. И тем страшнее казались трезвые расчетливые рассуждения, всплывавшие в голове. Что нужно будет сходить к женскому врачу... А еще, скорее всего, понадобится психотерапия... И много-много решений по поводу будущего, в котором больше не будет ни отца, ни его планов на мою жизнь.

— Лали! — раздался стук в двери, когда я выползла из душа. — Лали, открой!

Я медленно втянула в себя воздух и прошла к двери. Щелчок замка больно прошелся по подушечкам пальцев, и вдруг вспомнилось недавнее ощущение кожи зверя под ними...

— Ты как? Твой отец рассказал, что на тебя медведь напал...

Я медленно моргнула, фокусируя взгляд на лице Пола. Каким же он стал чужим за какие-то часы!